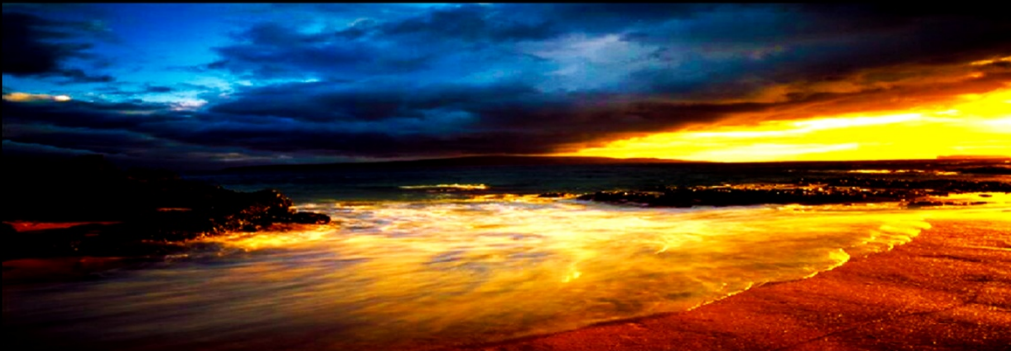

С. Весто

СУМЕРКИ ЭНДЕМИКОВ

С. Весто
СУМЕРКИ ЭНДЕМИКОВ

сборник фантастики

ISBN: 978-5-4483-7920-8

 [senvesto.com](https://twitter.com/senvesto)

Любое использование текста, оформления книги – полностью или частично – возможно исключительно с письменного разрешения Автора. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами. *For information address: Copyright Office, the US Library of Congress.*

© **S. Vesto**. 2009-2015

© **S. Vesto**. graphics. 2009-2015

Наибольшее количество
оборудования способен вывести из строя
наиболее компетентный состав
сотрудников.

- Предел Шенберга

...

Конференция богов не многим отличалась от мероприятий подобного рода, уже не впервые имевших место в этих светлых святых непомерных стенах, освященных мудростью созерцания и умом долголетия. Так же как и прежде, в длинных узких бойницах и стрельчатых проемах тесных окон лежали чьи-то кости, на костях чьи-то одежды, а голые ряды древних кирпичей и камней сурово смотрели с высоты своих лет на улегшиеся к подножию их пьедестала леса и луга, уходившие к синим неясным горизонтам. Так же как и прежде, в просторном прохладном холле висел негромкий надменный гул голосов, изредка нарушаемый тихим кашлем, скромным звоном металла и редкими взрывами хохота, как всегда, исходившими по большей части от Диониса или кого-то из его не знающих стыда козлозадых лиц сопровождения; так же как и прежде, там держались непринужденнее других и перебивали громче других, кто-то смеялся, складываясь пополам, на них оборачивались, не переставая двигать губами, хмурили ясные взоры, затем, коснувшись плеча собеседника и неторопливо запахиваясь, шли туда тоже – посмотреть и поулыбаться. Так же как и прежде, кто-то утомленно обмахивал себя стопкой листков, кто-то в божественной задумчивости, античным движением подперев атлетический подбородок и уперев локоть в колено с ногой на скамье, в халкионической и мужественной забывчивости глядел далеко за оконный проем в толстой кирпичной стене, наблюдая за зеленой полянкой в тени и тем бесстыдством, учиняемым на ней прямо под синим небом парой полураздетых девиц в белоцветных туниках короче всех норм приличия – по одной спелой белой груди вываливалось у каждой всякий раз через глубокий вырез, так что обе уже устали их поправлять. Прервав игры и снявшись, девицы, подобно не знающим печали и стыда ланям, понеслись куда-то с полянки прочь – так же легко, как и до того предавались играм, трясая спелой грудью и не переставая заливаясь чистым весельем совсем еще раннего утра. Им на смену на истоптанную полянку прилетел, крылья в стороны, черный от злости Амон-Ра, бог Солнца, и начал энергично открывать и закрывать рот и выразительно двигать губами, глядя девицам вслед, наливаясь кровью и время от времени пиная с полянки вверх позабытое в спешке белье. Девицы были слишком привлекательны даже для богинь – это могли быть только гарпии, сукины дети ночи, и наблюдавший за ними через оконный проем лишь глубоко вздыхал через нос, не разжимая челюстей матерого воина и не снимая плетеной потертой сандалии гунна со скамьи.

Так же как и всегда, голый мраморный пол под бесконечным сводами был счастлив вобрать в себя все тепло и давящую горячность еще одного дня, чуть утомленного самим собой и излишне яркими красками, вселяя в каждого из приглашенных уверенность, что если и было под этим небом наиболее удачное место для укрытия от обжигающей любви великого полдня, то это как раз оно.

На отражающих глянцах бесконечного пола лежали синие пятна неба, стены хранили избранные выдержки из санскрита, высеченного в рунах, рубчатые колонны следующего отделения храма были обвиты гибкими телами изваяний наг, змей с пупками, головами и грудью красоток; впрочем, половина из них выглядели достаточно живыми, и

приглашенные знали, что именно им дано было охранять сутру «Праджняпарамиту» до того благословенного времени, когда разум людей созреет до глубин ее постижения. Множество божественных ног – красивых, прекрасных, изумительных, греческих, готических, стальных, совершенных и не очень, – обутых в благородный подъем сандалий, в боевую походную обувь саксов, в грубые тапки кельтов, в мягкие кожаные ступалища ночных воинов многих миров и народов, в легкие мокасины, в открытые шлепки, в обувь с крылышками, с зубьями аллигаторов и драконов, в обувь, предполагающую серьезные затруднения в описании, которой еще предстоит быть узнанной и соотнесенной с опытом прежних поколений – или же ноги богов, не обутых ни во что, наслаждаясь приятной прохладой мрамора в босом виде, – во всех них чувствовалась некая медлительность либо чуть больше суетности, чем предполагали традиции тысячелетий и хладнокровие древних стен. Все ждали. Как всегда, на благородных высоких ступенях лежали тени олимпийских решений и утонченных компромиссов, как и прежде, в возвышенные проемы стен заглядывали густые кроны древних стволов, – и только по углам на почтительной высоте, притихшие от избытка света и утра, жались к парапетам химеры с грубыми лицами, грифоны и горгоны, изуродованные дурными предчувствиями и ожиданиями. «Боги насмешливы, – угрюмо возвещала высеченная в древних камнях стен надпись на санскрите. – Боги смеются в ущерб серьезным делам...»

На самом верху архитектурного решения, к коим величественно и безнадежно уходили многие и многие ступени, стояла далекая завернутая до подбородка в тогу фигура Пратьекабудды. Покойно сложив перед собой руки вместе, он с терпеливым равнодушием ожидал, пока не попадет в поле зрения остальных и не будет замечен присутствием. Он стоял там с таким видом, словно готов был стоять там столько лет, сколько будет нужно. Гомон в холле и на сочных лугах под зелеными насаждениями неохотно стих. Головы повернулись в его сторону, ожидая; какой-то из похабных козлов Диониса как раз принялся ржать прямо посреди наступившей жертвенной тишины, но сразу закашлял, прочищая горло. Все молчали. Выдержав паузу и решив, что уже замечен приглашенными в достаточной мере, Пратьекабудда, «Будда Не Для Кого», как числилось в официальном реестре священных сутр ближайших стен, отняв одну руку от другой, мягким движением отвел ее в сторону, с молчаливым поклоном, достойным тысячелетий, приглашая всех перейти непосредственно к делу. Несколько огромных черных волков и существ, напоминавших их взором и повадками, не дожидаясь дальнейших уговоров, мягкими неслышными прыжками устремились к ступеням. Гомон возобновился.

Неспешно снявшись с места, множество ног, лап, копыт и конечностей, тихо цокая, шаркая и шурша, направились к лону новых мудрых решений, к большой жертвенной чаше.

ЯН ЦЗЯНЦЗЮНЬ. Позволено ли мне будет сделать к этим величественным сводам небольшое вступительное слово? Да коснется ветер разума их и то, что им предстоит сегодня вынести.

Поскольку других предложений не поступило, он продолжил.

- Как известно, мир возник из хаоса.

Все приготовились слушать. Выступающий сделал паузу, терпеливо ожидая, когда все займут свои места и перестанут галдеть. Многообещающее начало, прокомментировали сверху. Сдержанный гул стих.

- И хаос был подобен куриному яйцу. Но затем начало света образовало небо – и осознало себя как «ян»; и темное начало образовало землю – и

осознало себя как «инь». И рос первопредок пресущего Пань-гу, и продолжалось так, пока он не умер. И когда он умер, труп его положил первооснову всего, что будет, и по образу его было сделано все, что есть. И стало дыхание его движением воздуха, и четыре конечности – четырьмя горизонтами, кровь – реками, один глаз стал солнцем, другой стал луной, голос его – громом, а плоть плодородной почвой. Пять частей тела – пятью священными горами, вены – дорогами, растительность – произрастанием трав и деревьев, мозг в костях – жемчугом, пот – росой и дождем, что животворит сущее; и была плохой погода, когда было настроение его дурным; и превратились паразиты на нем в людей...

- Послушайте, уважаемый, - несколько раздраженно прервал его бог монотеизма, явно уже понявший, куда все идет, - как вас... Юньцзюнь... Э...

«Янь», - подсказали с мест негромко. В рядах откашлялись.

- Ян Цзянцзюнь, - невозмутимо поправил выступающий.

- Все равно. Существует и иная версия относительно тех же событий. И она существенно отлична от предложенной вами.

Ян Цзянцзюнь с прежней невозмутимостью поклонился.

- Целиком согласен с тобой, мой собрат в мудрости. И целиком поддерживаю твоё стремление смотреть на вещи шире и непредвзятым оком окидывать все возможные точки зрения и разумные мнения. Но истины они не отменяют.

- То есть как не меняют? А что они делают?

- С истиной ни они, ни что-либо иное под этим небом, равно как и под любым другим, ничего сделать не могут. В том и состоит великая суть Истины. Именно в силу этого мудрого закона природы, собрат мой, в мире все устроено с той разумностью, с которой оно устроено.

Оппоненту дискуссия явно нравилась все меньше и меньше.

- Версий может быть сколько угодно, но из них только одна может быть истиной...

Ян Цзянцзюнь поклонился вновь.

- Не могу не признать правдивость твоих слов и не согласиться с их мудростью, собрат мой. Даже если версий не будет совсем, истине это не повредит.

Бог монотеизма смотрел на него, как смотрят на что-то смутно знакомое, пытаясь определить, где он мог это раньше видеть. Он сказал со значением:

- Не истине вредят версии, но их истинности. Не имея света истинных версий, как найдем мы путь к ней?

Осторожным движением ладони и недоверчивым взглядом выступающий прервал собеседника.

- Правильно ли я тебя понял, о мой собрат в мудрости, - начал он медленно, словно вознамерившись босиком перебраться через минное поле, - что ты отрицаешь объективное наличие Истины, даже если ни одна из версий неистинна?

Бог монотеизма, осекшись вторично, сказал:

- Нет, я не отрицаю, что истина есть, даже если нет правильной версии...

Цзянцзюнь с видимым облегчением принял прежнюю осанку.

- Это хорошо. Это не может не вселять радость и не наполнять надеждой. А то есть мнение, что даже желание истины и чистая вера в истину еще нуждаются в оправданиях. Проблема ценности истины чужда вам, собрат мой, и это делает мой взгляд светлым. Так как же, о мой

собрать в мудрости, имея перед собой истину и стоя в первоизданном свете ее, ты можешь ее отрицать?

Оппонент сглотнул.

- Я не отрицаю истины. При условии, что она истина.

Ян Цзянцзюнь поклонился в третий раз. Прикрывая от полноты удовлетворения глаза, он покачал подбородком.

- Целиком поддерживаю твою позицию и всем сердцем ее понимаю. Ибо и Пань-гу, создавая мир, ошибочно разместил луну и солнце по одну сторону горизонта. Но тогда пришел государь и повелел все как надо. И нарисовал тогда Пань-гу на своей ладони иероглиф солнца и вытянул ее к горизонту и сказал так к солнцу: «Взойди». И взошло солнце. И нарисовал он на другой иероглиф луны и вытянул ее к горизонту и сказал так к луне: «Восстань». И восстала луна. И повторил он деление дня семь раз – и поделилось время...

- Я допускаю различные трактовки и иносказания, - прервал его бог монотеизма, - но как можно всерьез настаивать на заведомо абсурдном утверждении, что люди возникли из паразитирующих организмов на этом, как его... Допуская, что это не иносказание.

- Это иносказание не в большей мере, чем того допускает истина.

- Я допускаю, что человек – это паразит. Но когда вы уверенно заявляете о его происхождении из паразитирующих организмов...

Выступающий утомленно вздохнул.

- Хорошо, - сказал он. - Ваши предложения. Откуда, по-вашему, взялась, скажем, женщина?

- Из ребра, - ответил бог монотеизма. Он уже взял себя в руки, и теперь глаза его тоже вселяли уверенность.

Ян Цзянцзюнь смотрел на него несколько секунд с озадаченным видом.

- Из какого ребра?

- Из мужского ребра. По крайней мере согласно официальной версии.

Ян Цзянцзюнь недоверчиво следил за выражением лица собеседника.

- Это довольно смелое утверждение, - заметил он наконец осторожно.

- Зато оно лучше воспринимается на слух, - огрызнулся оппонент.

С мягкой укоризной проводив его слова, Цзянцзюнь сказал:

- Эстетическая сторона, конечно, не может не играть определенную роль. - Он помолчал. - Собрать мой. Если бы на усеянных невгодами путях к истине мы ориентировались и искали бы только там, где красиво, мы бы и донныне пребывали от нее столь же далеко, как и Пань-гу от луны и солнца.

Оппонент не нашелся сразу что возразить на это ценное замечание, и тогда Цзянцзюнь продолжил:

- С этим, собратья, если позволите, я заканчиваю свое короткое вступительное слово – и да снизойдет на нас мудрость искать истину столь же далеко, сколь и красиво.

С поклоном сложив перед собой руки и касаясь их подбородком, выступавший скрылся с глаз.

Собравшиеся сидели, усваивая услышанное. После долгого молчания и сидения с портика поднялся Онурис.

ОНУРИС. У меня предложение общего плана. Что-то мы давно никого не наказывали.

Онурис сел, но поднялось другое эпическое создание, внушающее лицом еще более мрачные ожидания, которое было прервано Хозяином Дома Оем Иясе, выполнявшем сегодня обязанности верховного секретаря.

- Народ, - обратился он, поморщившись, усталым движением отнимая от щеки руку и вытягивая ладонь перед собой. - Давайте договоримся:

поднялись – сразу представились. У меня голова болит только на вас смотреть, не то что помнить. И, наверно, не только у меня.

Ой снова прижал руку к щеке. Глаза Секретаря выражали твердое намерение вынести все, что обещал еще один день небесного счастья.

Онурис, со вкусом устроившийся было у себя на месте, вновь поднялся во весь свой рост, с достоинством оборачиваясь ко всем и громко, будя пыльное эхо, как у себя дома на военном совете, гордо произнес:

- Онурис, Тот, Кто Приводит Издалека. Возвращающий Око Солнца. Профиль: война и охота. Небоположенный сподвижник Ра. Гор тоже помнит меня.

Онурис сел.

Секретарь закрыл глаза.

Когда Онуриса опять не стало видно, заговорил уже поднявшийся ранее и терпеливо ожидавший очереди Судика-Мбамби, черный, как ночь Намибии.

- Судика-Мбамби, Убивший крокодила (с помощью брата) и известный другими подвигами. От Рождения Заговоривший. Гром Неба говорит со мной.

«Про невесту расскажи!» – предложил кто-то с мест. В зале засмеялись гомерическим хохотом.

На секунду смутившись, Мбамби тут же взял себя в руки.

- Поддерживаю предыдущее мнение, - сказал он, пропуская замечание мимо ушей, - и предлагаю поторопиться. Я за силовое решение. Положение чрезвычайное.

Мбамби сел, но тут же, повернувшись и вытянув мускулистую глянцевую шею, принялся бегать по рядам напряженными глазами и кого-то искать.

Поднялся Гермес.

- Будет ли позволено сказать несколько слов мудрости и Гермесу Привратному, Уводящему души, сыну Зевса и Майи, покровителю странников и покойников? – Гермес теплыми глазами осмотрел головы собравшихся, как бы в поисках возможных возражений, не обнаружив, он вздохнул через резные мужественные ноздри, театральным движением отправляя край одеяния на плечо.

- Правильно, - решительно поддержали его из рядов. – Слово Гермесу! Пусть скажет нам что-нибудь умное. А то тут у всех одно решение, чуть что – сразу на колесницы.

- Кстати, где опять Зевс? – подали голос из критической секции. – Где его опять бабы носят? Он особенный, что ли?

- Плевать он хотел на эволюцию, он лучше гарпий будет валять в золе. Там вся теория развития материи идет к черту – ну и пусть идет. «Да провалится мир, да здравствует философия, да здравствую я!..»

Гермес долгим и невыразительным взглядом проводил замечания из зала.

- Вы закончили? – пресно осведомился он. – Тогда можно мне тоже сказать несколько слов? – Он величественно задумался. – Собратья. Да будет ли мне позволено препроводить суть своего скромного мнения в форме вопроса? В силу каких божественных причин повреждение придорожных герм относится к числу святотатств тяжелейших?

Никто не знал.

Гермес облизнулся.

- Я поставлю вопрос иначе. В чем заключена суть гермы?

- Чтобы не путать начало с концом и с дорожными знаками, - невозможно высказали мнение с мест.

В храме заржали.

- Благодарю вас. – Гермес сухо поклонился. – Это довольно смешно, но далеко от проблем эволюции. Я же имел в виду несколько иной аспект конкретного хтонического сооружения. Оно не есть просто еще один рабочий знак искренней признательности мне. Это – дань уважения направлению в срезе логико-семантического восприятия античной души. – Бог помолчал. – Я бы назвал это уважением к тенденции.

Конференция ожидала продолжения.

- Собственно, это все, что я имел сказать. Собратья. Боги мы или я не знаю что. Не все, что движется, движется к своему концу.

Гермес опустил на место, запахиваясь и удобно закладывая обутую в сандалию мускулистую ногу на другую. Крылышки на одной сандалие сладко и напряженно расправились, словно на минуту выходя из состояния сна, и, мелко подергавшись, вновь улеглись.

Собравшиеся, взявшись за подбородки и отведя взгляды, какое-то время добросовестно изучали возможные последствия сказанного.

- Правильно ли я тебя понял, славный Гермес, - осторожно спросил со своего места едва видимый для остальных Вьяса, отшельный Кришна Двайпаяна, тот самый, некогда разделивший собрания вед, - что знающий все это и тем не менее ушедший к основам Пути и Добродетели видит дальше, чем мы все предполагаем?

Гермес уважительно посмотрел на легендарного мудреца.

- Клянусь своими сандалиями, я не понял половину из сказанного тобой, но даже Аполлон не сумел бы сделать мне приятнее вторую!

Двайпаяна сумрачными и рассеянными глазами посмотрел на него, уже вновь погрузившись в раздумья.

Храм нетерпеливо загомнил. В секции конунгов молча обменивались взглядами. Кое-кто откровенно качал подбородками и чесал затылки. Теперь уже и спокойно сидевшая до того партия восточных демонов, флегматично и индифферентно оглядывавшаяся по сторонам, начала с беспокойством присматриваться к происходящему.

- *Правильно ли я тебя понял*, брат Вьяса, - обратился к Двайпаяне горный дух Хам Богдо Даин Держе, черный тенгри и легендарный шаман, - что кто-то с далеким умыслом и большим умом покусился на сами основы Пути?

Двайпаяна ответил, кусая в задумчивости губы:

- Ты понял как далай-лама, упражняющий себя в искусстве отнимать у смерти ее жертвы, брат Держе.

Демоны совсем расстроились.

Ряд представителей с усилием повертели головами, неприятно пораженные видом развернувшихся перспектив. Кто-то вполголоса высказался в том ключе, что сыновья Хрейдмара по своей бестолковости даже в хель, город мертвых, не сумеют попасть вовремя.

ЦЗЯН-ТАЙГУН ЦЗЫ Я. Когда смотрящий вдаль Вэнь-ван собрался на охоту, в ночь накануне этого важного события к нему в сновидение спустился государь с прибором для сочетания звезд и вкратце обрисовал обстановку. Это, сказал он, великий день, ибо он решит судьбу твоего мира – и сколько ему быть. Услышав столько хороших слов от государя, Вэнь-ван передумал идти на охоту и решил посвятить себя рыбной ловле. Приезжает он туда, останавливает повозку и видит старца, который сидит и удит рыбу. «Поехали, - говорит старец Вэнь-вану, и велит ему впрячься в повозку. – Я тот, кто будет великим Учителем». Пока они ехали, Вэнь-ван услышал много полезных и поучительных историй, а когда их высочество упали, желая от лона земли пополнить себя новыми силами и отдохнуть, я

горестно покачал головой и сказал, что Путь его мира будет длиться столько, сколько он одолел шагов мудрости. Так и случилось.

Сообщение каждый предпочел понять по-своему. Повертев головами и не найдя полезных ушам комментариев, в секции конунгов начали нервно гладить установленные меж колен полированные рукояти топоров. Гейррэд и Скрюмир, больше известный в среде военных экспертов как Утгард-Локи, как все тролли ненормально крупногабаритные и лысые, уперев топоры в пол и уложив на их торцы подбородки, сумрачными взглядами наблюдали за развитием событий.

- Правильно, - подал голос Гейррэд, явно напрашиваясь на дискуссию. - Вначале ввяжемся, а там видно будет.

Обдумывая, конференция не спешила с окончательными выводами.

- Скажите, уважаемый... - обратился к великому мудрецу один из Унктахе, духов воды и подземного мира племени дакота, тот, что олицетворял собой Землю.

- Можно просто Цзян-тайгун, - предложил мудрец.

- ...Если путь, пройденный повозкой и ее ведомым, имеет конец, то тогда где разница, пройдет ли он много или пройдет мало?

- Или не пройдет его вовсе, - кивнул тайгун. - Ее нет, - ответил мудрец. - Ее так же мало, как и пройдешь ли ты, преодолев свой последний предел сил, или же не пройдешь вовсе, подавленный видом и величием всего Пути.

- И что тогда делать?

- Бросить повозку и все, что на ней.

Все обдумали новый поворот событий. Можно было в отдельных подробностях слышать, как за пустыми проемами окон вдалеке визжат и заливаются непристойным смехом девичьи голоса.

- Клянусь задницей Афродиты, - громко возвестил голос Диониса, по случаю необыкновенно теплой погоды сидевший сегодня в храме со своими беспечными козлами и волками голым. - Это самая поучительная история, которую я слышал в этих стенах.

Мудрец преподнес ему спокойный взгляд, и лицо его не выражало ничего.

- Друзья, - приветливо произнес Дьявол Ноктис, умывающим движением собирая ладони вместе и поднимаясь, - я хотел бы несколько разрядить обстановку. Вы мою натуру знаете, я ничего не делаю просто так...

- А мы этого не знаем, - сварливо внес поправку бог монотеизма, сочно откусывая от большого яблока познания. - Откуда мы это должны знать.

- А вы этого и не должны знать, - с мягкой улыбкой поддержал его Дьявол. - Иначе бы вы уже давно умерли бы от скуки в своей паутине тотального детерминизма. Так вот... - Он умыл руки. - В свете услышанного здесь нами сегодня я бы предложил бросить эту повозку катиться к чертовой матери, а самим идти своим Путем, предначертанным звездами и пустым желудком. Предоставить, так сказать, вещам их естественную эволюцию.

Конференция в нерешительности смотрела в сторону докладчика, оценивая еще один поворот мысли.

- Вы издеваетесь, что ли? - спросил один из дипломатического представительства демонов. - Как это - бросить? И куда она тогда поедет?

- Конечно издеваюсь, - легко согласился Дьявол. - А что еще прикажете делать. Я тут с самого утра уже сижу, слушая вас, и не услышал еще ни одного разумного предложения. Умереть можно.

- Неужели такое возможно? – встрепенулся бог монотеизма с неожиданно прорвавшейся надеждой в голосе, переставая на секунду жевать и сделав глотательное движение. Дьявол, ни минуты не думая, широким движением ниспослал ему непристойный жест.

- В самом деле, - засобирались в секции восьми голов дракона Ямата-но орти. – Пойдем перекусим, а потом на свежую голову продолжим.

/.../

Купить книгу С. Весто. Сумерки эндемиков. Сборник фантастики:

Печатная книга по технологии книга по требованию (без посредников)

senvesto.com

«Эволюция нуждается в нашем самообладании и поддержке». Кто-то давно сказал, что никто не обязан верить в эволюцию. Но участие в ней обязательно. Иногда, очень не часто, случается так, что приходится делать ее работу самому. Она никогда не требует от нас слишком многого, правда, это не делает ее менее требовательной. Трактат заинтересует эндемиков обитаемых миров.